

Я с раннего детства имел непреодолимую тягу, к литературе. Постоянно что-то записывал, сочинял и, конечно же, много читал. А закончив восьмилетку, твердо решил поступить в местный пединститут на филологическое отделение.

И это желание стало моей мечтой. Наверное, она никогда бы не воплотилась в реальность, если бы не удачное стечение обстоятельств, которое можно с уверенностью назвать — судьбой.

После школы, я поступил учиться в училище. А в то советское время, сплошь и рядом, открывались «школы рабочей молодежи». Где ученикам, после их трудового дня, усиленно и целенаправленно давалось среднее образование. И происходило все это именно так, как показано в известном фильме «Большая перемена». Кстати, в нем один из героев Пьер, участник «аттракциона неслыханной жадности», которого играл С. Крамаров, носил фамилию — Тимохин.

И вот примерно в такой школе, после основных занятий в училище, я и учился. Надо сказать, что вся эта затея мне тогда нравилась. А учителя нам говорили, те из вас, кто не будет пропускать занятия, получают

аттестаты зрелости с хорошими отметками. То есть посещаемость в вечерней школе, как она называлась «в народе», была главной!

И я старался занятия не пропускать. А по окончании всего курса обучения получил обещанный учителями аттестат — с одной лишь «тройкой» — по «астрономии». Помню, как я тогда сильно расстроился. Ведь я этот предмет совсем не изучал. А за что тройка?

За несколько месяцев до службы в армии, я посещал подготовительные курсы для поступления в пединститут. От них у меня мало что осталось в памяти.

А когда, отслужив положенные два года, я пришел в приемную комиссию, у меня на руках был аттестат о среднем образовании, с высоким проходным баллом, играющим существенную роль при конкурсном отборе в институт.

Кроме того, положительным фактором служило и то, что я парень. А в пединститут, да еще и на филфак, мужчин принимали с радостью. К тому же я только что демобилизовался из рядов СА. А тогда отслужившим юношам были открыты двери во многие учебные заведения, куда можно было поступить на льготных условиях. И, вдобавок ко всему, я был кандидатом в члены КПСС.

Одним словом, я был абсолютно уверен, что поступлю в пединститут, и сильно-то не обременял себя подготовкой к вступительным экзаменам. Хотя ей и должны заниматься все нормальные абитуриенты.

Конкурс в то время был два человека на место. И чем меньше оставалось времени до начала экзаменов, тем больше я задавался мыслями о том, как же я буду состязаться знаниями с теми, кто недавно окончил школу? К тому же я поступал на заочное обучение. И часть абитуриентов уже работали в школах, например, в сельских. Короче говоря, их уровень подготовки, скорее всего, был лучше моего.

Первым экзаменом было, конечно же, сочинение. И основной «отсев» должен произойти после него. Это я понимал, слава Богу. И заняв свое место в аудитории, сразу же для себя решил — писать короткие, нераспространенные предложения. Использовать, по возможности — простые слова. Мысли излагать — коротко и ясно. А главное — взять «свободную» тему, если она будет!

Ей оказалась примерно такая тема: «Как Вам представляются уроки русского языка в недалеком будущем? В чем их отличительные

особенности от учебного процесса наших дней?» Ну, фантастикой в то время увлекались многие. И я не исключение — читал книги и любил фильмы на эту тему. Одним словом, сочинение написал. А часть из тех, кто выбрали другие темы — «отсеялись». Но тому, что «первый блин» для меня не оказался «комом», я сильно не радовался.

Лишь тогда я прочувствовал по-настоящему, что поступаю в институт и то, что могу «провалить» второй и самый главный экзамен — «Русский язык и литература. Устно».

За длинным столом, в большой аудитории, строго восседали два преподавателя по русскому языку и совсем еще молодая, очень симпатичная, экзаменатор по литературе. Я взял сразу два билета по разным предметам. И сел готовиться. Наверное, к тому, что осенью и зимой мне придется снова походить на подготовительные курсы, а на следующий год, если все будет хорошо, попытаться поступать в институт.

— Молодой человек, вы готовы? — вскоре услышал я от преподавателя по литературе.

— Да, да, сейчас. Еще немного...

Если в билете по русскому языку, я и находил что-то мне знакомое, то с литературой, я понял, у меня будет — провал!

В «вечерней школе» я, естественно, получил только отдаленное представление о таких книгах как «Тихий Дон», «Война и мир», «Братья Карамазовы» и т.д.

Что-то написав на двух листах, для каждого предмета в отдельности, я выждал момент, когда место у экзаменаторов русского языка освободится, и сел перед ними.

О результатах моего скудного ответа они мне сразу ничего не сказали. И я передвинулся к преподавателю литературы. Она, опустив голову, очень внимательно слушала мою речь. А потом тихо сказала:

— Молодой человек, у вас по моему предмету — но-о-оль! — и, помолчав, добавила: — Я не знаю, что делать...

Но, тем не менее, она, чуть пододвинувшись к рядом сидящей коллеге, спросила:

— Как у вас Тимохин ответил?

Женщина слегка стушевалась:

— А в чем дело?

— По литературе у него будет «двойка»! Мне надо знать, что он у вас получит.

Экзаменаторы спешно стали просматривать бумажку с моей писаниной.

— Если и у вас он ответил плохо,— чуть слышно продолжала литераторша,— то он сейчас же покинет аудиторию.

Достойны ли были мои знания отметки «три», или у русоведов на этот счет были какие-то свои мысли, но они дали своей коллеге положительный для меня ответ.

Тогда моя экзаменатор, опустив глаза в стол и прикрыв их ладонью так, словно ей мешал яркий свет, опять же тихо произнесла, только обращаясь уже ко мне:

— Пишите то, что я вам сейчас продиктую...

— Что?— не сообразил я.

— Молодой человек, вы что, не понимаете? У вас по литературе будет «двойка»... Записывайте все, что я вам продиктую...

За моей спиной в аудитории сидело еще несколько человек. А я, спешно и плохо соображая, поразборчивее писал... Результаты экзамена стали известны только на следующий день. И, как и подобает в таком случае, после них, еще несколько абитуриентов — «отсеялось».

Последним моим испытанием стала — философия. На нее, после всего ранее происшедшего, мне можно было точно не ходить.

Чуть больше месяца прошло с моего «дембеля». Конечно, я, прежде всего, морально не был готов к поступлению в институт. Моя служба проходила в новосибирском лесу, на командном пункте, под землей. На глубине метров десяти. Бывали случаи, когда я на свежий воздух не выходил неделями. Ел и спал на боевом посту. И, вернувшись в родные пенаты, в свой город, я, естественно, как «с луны свалился». Цивилизация, город, люди!

Зайдя вместе с остальными будущими студентами в небольшую аудиторию, я положил на стол перед преподавателем свой экзаменационный лист. С портретов на стене, без особой радости, на меня смотрели Гегель и Кант. Билет я пока брать не спешил.

— А вы что у нас — солдат? — неожиданно раздался у меня за спиной голос экзаменатора.

— Да, я недавно уволился из армии.

— Вот оно как? И где же вы служили? — спросил мужчина, пока я садился за свободный стол, недалеко от него.

— В Новосибе, в ЗРВ, в ПВО. Планшетистом.

Не знаю, понял ли экзаменатор мой ответ, но далее он восторженно сказал:

— Так вы любите русский язык и хотите стать учителем?

И, получив от меня утвердительный ответ, добавил то, что могли услышать все присутствующие:

— Тогда, вам нет смысла, беспокоиться. Мой предмет вы сдадите. Точно.

Может быть, экзаменаторы и должны заранее настраивать абитуриентов на хороший лад. И такие слова они говорят всем, но для меня они прозвучали, как выстрел в ночи!

Теперь уже Гегель и Кант со своих портретов смотрели на меня как на доброго знакомого. И казалось, что они были рады за меня.

Взяв билет, я что-то возбужденно, но уверенно, рассказывал преподавателю. Он в ответ кивал и комментировал мои слова. Со стороны все это больше походило на доверительную беседу, а не на сдачу экзамена по философии.

Свою вторую четверку за экзамены, как и было мне обещано, я получил. А две тройки, за памятную сдачу русского языка и литературы, плюс высокий проходной балл в аттестате зрелости, от вечерней школы, сделали свое доброе дело, выдав мне «путевку в жизнь». Так я стал студентом семипалатинского пединститута, по специальности «учитель русского языка и литературы».

Много с тех пор «воды утекло». На протяжении ряда лет, я работал в различных учебных заведениях. И благодарен судьбе за то, что когда я поступал в институт, она была столь благосклонна ко мне. И, конечно же, никогда не забуду бескорыстную доброту экзаменаторов, чьи имена в моей памяти, к сожалению, не сохранились...